

Айрис Мёрдок

библиотека

классики

Айрис Мёрдок

Iris Murdoch

Под сетью
Бегство от волшебника

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44
М52

Серия «Библиотека классики»

Iris Murdoch

UNDER THE NET
THE FLIGHT FROM THE ENCHANTER

Перевод с английского *М. Лорие* («Под сетью»),
И. Трудолюбовой («Бегство от волшебника»)

Серийное оформление и дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения Curtis Brown UK
и The Van Lear Agency.

Мёрдок, Айрис.

М52 Под сетью; Бегство от волшебника : [романы] / Айрис Мёрдок ; [перевод с английского М. Лорие, И. Трудолюбовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 640 с. — (Библиотека классики).

ISBN 978-5-17-156433-9

Роман «*Под сетью*», дебют Мердок в художественной литературе, является одним из самых известных ее произведений, которое остается по-прежнему современным благодаря образу главного героя Джейка Донагью. Переводчик и прозаик Джейк умен, ироничен, талантлив, но при этом ленив и обладает удивительным свойством просто плыть по течению жизни, не столько не умея, сколько попросту не желая бороться с судьбой. Ему совершенно все равно, как зарабатывать на жизнь — дешевой ли литературной поденщиной, тяжелым ли трудом санитара в больнице. Максимум, которым он готов озадачиться, — поиски недорогой квартиры. Однако неожиданная встреча с молодой женщиной по имени Анна Квентин становится для Джейка судьбоносной — его жизнь начинает опутываться сетью поразительных событий, принимающих все более неожиданный, почти сюрреалистический оборот...

«*Бегство от волшебника*». Миша Фокс — неординарный человек, не то вообразивший себя магом, которому нравится играть людскими судьбами, не то на самом деле обладающий некой мистической властью над человеческими душами. Окружающие не в силах избавиться от его влияния и покорно повинуются всем манипуляциям, ведь стоит Фоксу коснуться одной из нитей, как в движение приходит весь кукольный театр живых марионеток. Но так ли все это в действительности? Возможно, Миша Фокс — всего лишь удобный повод не контролировать собственную жизнь, опустить руки и плыть по течению? Возможно, зачарованные им люди придумали своего «волшебника»?

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44

© Iris Murdoch, 1954, 1956

© Перевод. М. Лорие, наследники, 2023

© Перевод. И. Трудолюбова, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

ISBN 978-5-17-156433-9

Под сетью

Все сплошь до конца — потери:
Погоня твоя — за зверем!
В любви изменили все,
Никто не остался верен.
И войны твои — впустую.
Одно хорошо — все минует
И старому веку на смену
Увидим пору иную.

Драйден
«Светская маска»

Глава 1

Финн ждал меня на углу, и при виде его я сразу понял, что дело неладно. Обычно Финн ждет меня в постели или прислонившись к дверному косяку и закрыв глаза. К тому же меня задержала забастовка. Я и всегда-то ненавижу обратный путь в Англию и бываю безутешен до тех пор, пока мне не удастся уйти с головой в любимый Лондон и я уже не помню, что уезжал. А тут можете себе представить, как мне было весело, когда пришлось болтаться без дела в Ньюхейвене, дожидаясь, пока опять пойдут поезда, а из ноздрей у меня еще не выветрился запах Франции. В довершение всего коньяк, который я всегда провожу благополучно, отобрали на таможне, так что, когда закрылись рестораны, я оказался целиком во власти мучительного болезненного самоанализа. Бодрящей объективности отрешенного созерцания человек моего склада не способен достигнуть в незнакомом английском городе, даже когда ему не нужно вдобавок тревожиться о поездах. Поезда вообще не полезны для нервов. Про что людям снились кошмары, когда еще не было поездов? По всем этим причинам, вместе взятым, мне не понравилось, что Финн ждет меня на улице.

Увидев Финна, я сейчас же остановился и поставил чемоданы на землю. Они были набиты французскими книгами и очень тяжелые. Я крикнул: «Эй!» — и Финн медленно двинулся ко мне. Финн никогда не торопится. Мне трудно бывает объяснить наши с ним отношения. Нельзя сказать, чтобы он был мой слуга. Зачастую его скорее

можно назвать моим импресарио. Иногда я его содер­жу, иногда он меня — смотря по обстоятельствам. В об­щем, всякому ясно, что он мне неровня. Его имя — Питер О'Финни, но это нестрашно, все зовут его просто Финн, и он приходится мне каким-то дальним родственником — так, по крайней мере, он утверждает, а мне лень проверять. Но у людей всегда создается впечатление, что он мой слу­га, у меня и у самого бывает такое впечатление, хотя объ­яснить, почему это так, я бы не взялся. Иногда я припи­сываю это тому, что Финн — смиренное существо, что он как-то невольно остается в тени и играет вторую скрипку. Если нам не хватает кроватей, на полу всегда спит Финн, и это кажется вполне в порядке вещей. Правда, я вечно даю Финну распоряжения, но только оттого, что сам он, по-мо­ему, не умеет придумывать, чем заняться. Некоторые мои знакомые считают, что у Финна не все дома, но это невер­но: он отлично соображает, что к чему.

Когда Финн подошел наконец ко мне, я указал ему на один из чемоданов, но он его не поднял. Вместо этого он сел на него и обратил на меня взгляд, полный печали. Я сел на второй чемодан, и некоторое время мы сидели молча. Я устал, мне не хотелось расспрашивать Финна — подожду, пока сам расскажет. Он обожает неприятности, все равно, свои или чужие, и особенное удовольствие ему доставляет сообщать дурные вести. Финн довольно красив — долговязой, меланхолической красотой; у него длинные, прямые, темные волосы и костлявое ирланд­ское лицо. Он на голову выше меня (я невысок ростом), но немного сутулится. От его скорбного взгляда у меня упало сердце.

— Что случилось? — спросил я наконец.

— Она нас гонит с квартиры, — отвечал Финн.

Принять это всерьез было невозможно.

— Перестань, — сказал я ласково. — Кроме шуток, что это значит?

— Велит нам выметаться, — сказал Финн. — Обоим. Сегодня. Сейчас же.

Финн любит каркать, но он никогда не лжет, даже не преувеличивает. Однако я все еще отказывался верить.

— Но почему? Что мы такого сделали?

— Мы-то ничего не сделали, а вот она хочет кое-что сделать. Решила выйти замуж.

Это был удар. Я дрогнул, но тут же сказал себе: а почему бы и нет? Я справедлив и терпим. И в следующую минуту я уже прикидывал, куда нам податься.

— Но она мне ничего не говорила, — сказал я.

— Ты не спрашивал.

Это была правда. За последнее время личная жизнь Магдален перестала меня интересовать. Если она вздумала обручиться с другим мужчиной, винить в этом я мог только себя.

— Кто он? — спросил я.

— Какой-то букмекер.

— Богатый?

— Да, у него своя машина.

Это был критерий Финна, а в то время, пожалуй, и мой тоже.

— От этих женщин можно заболеть, — сказал Финн. Съезжать с квартиры улыбалось ему не больше, чем мне.

Я опять помолчал, ощущая тупую физическую боль, в которой ревность и уязвленное самолюбие мешались с горьким чувством бездомности. Вот мы пыльным, жарким июльским утром сидим на Эрлс-Корт-роуд на двух чемоданах, и куда нам теперь деваться? Так бывало всегда. Стоило мне с великим трудом навести порядок в своей вселенной и начать в ней жить, как она взрывалась, снова рассыпаясь вдребезги, и мы с Финном повисали в воздухе. Я говорю «моя» вселенная, а не «наша», потому что порой мне кажется, что внутренняя жизнь у Финна очень небогатая. Сказано это отнюдь не в обиду ему — у одних

она богатая, у других нет. Я это связываю с его правдивостью. Люди с тонкой душевной организацией, вроде меня, слишком многое видят и потому никогда не могут дать прямой ответ. Разные стороны вопроса — вот это всегда меня терзало. И еще я связываю это с его умением объективно констатировать факты, когда тебе это меньше всего нужно — как яркий свет при головной боли. Возможно, впрочем, что Финн тоскует без внутренней жизни и потому прилепился ко мне — у меня-то внутренняя жизнь очень сложная и многогранная. Как бы там ни было, я считаю Финна обитателем моей вселенной и не могу вообразить, что у него есть своя, где обитаю я; такое положение, видимо, вполне приемлемо для нас обоих.

До открытия ресторанов оставалось еще больше двух часов, а сразу встретиться с Магдален мне было страшновато. Она, конечно, ждала, что я устрою сцену, я же не чувствовал в себе для этого достаточно энергии, да и не представлял себе, какую сцену следовало устроить. Это еще нужно было обдумать. Выставить человека за дверь — лучший способ заставить его поразмыслить над тем, что осталось по ту сторону двери. Мне нужно было время, чтобы попытаться определить свой статус.

— Хочешь, выпьем кофе у Лайонса? — с надеждой спросил я Финна.

— Не хочу, — ответил Финн. — Хватит с меня того, что я тебя ждал, а она надо мной измывалась. Ступай поговори с ней. — И он пошел вперед. Финн обозначает людей не иначе как местоимениями или окликаемыми. Я поплелся за ним, стараясь выяснить, что же я собой представляю.

Магдален жила на Эрлс-Корт-роуд, в одном из этих отвратных домов-тяжеловесов. Она занимала верхнюю половину дома; там прожил и я больше полутора лет, и Финн тоже. Мы с Финном жили на четвертом этаже, в лабиринте мансард, а Магдален — на третьем (это, впрочем, не значит, что мы не виделись часто и подолгу, осо-

бенно вначале). Я уже стал привыкать к тому, что здесь я у себя дома. К Магдален иногда приходили знакомые мужчины, я ничего не имел против и ни о чем не расспрашивал. Мне это даже нравилось, потому что у меня тогда оставалось больше времени для работы, или, вернее, для туманных и бесприбыльных размышлений, которые я люблю больше всего на свете. Мы жили уютно, как две половинки грецкого ореха в одной скорлупе. Мало того, я почти ничего не платил за квартиру, а это тоже плюс. Ничто меня так не раздражает, как платить за квартиру.

Нужно пояснить, что Магдален — машинистка в Сити, или, вернее, была, когда началась рассказанная здесь история. Однако это не самая характерная ее черта. Главное ее занятие — быть самой собой, и на это она тратит бездну времени и ухищрений. Свои усилия она направляет по линии, подсказанной дамскими журналами и кино, и если ей, несмотря на прилежное изучение самых модных канонов обольстительности, не удалось окончательно себя обезличить, то объясняется это лишь каким-то не иссякающим в ней ключом врожденной живучести. Красивой ее назвать нельзя — это определение я употребляю скупко; но она миловидна и привлекательна. Ее миловидность — это правильные черты и превосходный цвет лица, который она прикрывает маской персикового грима, так что все лицо становится гладким и невыразительным, как алебастр. Ее завитые волосы всегда уложены по той моде, какая на данный день объявлена самой последней. Они выкрашены в цвет золота. Женщины воображают, что красота — это наибольшее приближение к некой гармоничной норме. Они не делают себя неразлично похожими только потому, что у них нет на это времени, денег и технических возможностей. Кинозвезд, у которых все это есть, и в самом деле не отличишь одну от другой. Привлекательность Магдален — в ее глазах и в живости выражения и повадки. Глаза — единственное в лице, чего

никак не скроешь; во всяком случае, такого средства еще не изобрели. Глаза, как известно, зеркало души; их нельзя закрасить или хотя бы побрызгать золотой пылью. У Магдален глаза большие, серые, миндалевидные и блестят, как камушки под дождем. Время от времени она зарабатывает уйму денег — не машинкой, а позируя фотографам; она вполне соответствует ходячему представлению о хорошенькой молодой женщине.

Когда мы явились, Магдален принимала ванну. Мы прошли в ее гостиную, которой электрический камин, кучки нейлоновых чулок и шелкового белья и запах пудры придавали необыкновенный уют. Финн плюхнулся на неубранную тахту, что строго запрещалось. Я подошел к двери ванной и крикнул:

— Мэдж!

Плеск прекратился, она сказала:

— Это ты, Джейк?

Бачок гудел как проклятый.

— Ну конечно, я. Послушай, в чем дело?

— Я не слышу, — сказала Магдален. — Подожди минутку.

— В чем дело? — снова прокричал я. — Ты что, правда выходишь за какого-то букмекера? Как ты могла не посоветоваться со мной?

Я чувствовал, что устроил вполне сносную сцену. Я даже ударил в дверь ванной кулаком.

— Ничего не слышу, — сказала Мэдж. Это была ложь — она хотела выиграть время. — Джейк, миленький, поставь чайник, мы попьем кофе. Я сию минуту выйду.

Из ванной Магдален выплыла на волне теплого, надушенного воздуха, как раз когда я заваривал кофе, и сейчас же юркнула к себе — одеваться. Финн поспешно встал с тахты. Мы закурили и стали ждать. Прошло еще немало времени, и вот Магдален появилась во всей красе и стала передо мной. Я смотрел на нее изумленный. Во

всем ее облике произошла разительная перемена. На ней было облегающее шелковое платье дорогого и затейливого фасона и много драгоценностей, по виду не дешевых. Даже выражение ее лица как будто стало другим. Только тут я до конца понял, что сообщил мне Финн. Пока мы шли к дому, я был слишком поглощен собой, чтобы задуматься о том, как глупа и нелепа затея Мэдж. Теперь эта затея явилась мне в денежном выражении. Да, такого я не ожидал. Раньше Мэдж общалась со скучными, но гуманными дельцами, либо со служащими, тяготеющими к богеме, либо, на худой конец, с литературными поденщиками вроде меня. Какой же диковинный изъян в процессе расслоения общества свел ее с мужчиной, который мог вдохновить ее на такие туалеты? Я медленно обошел вокруг нее, внимательно приглядываясь.

— По-твоему, я что, памятник Альберту? — сказала Магдален.

— Ну что ты, с такими-то глазами! — И я заглянул в их крапчатую глубину.

Тут меня пронзила непривычная боль, и я отвернулся. Нужно было лучше за ней следить. Метаморфоза, конечно же, подготовлялась уже давно, только я-то по своей тупости ничего не заметил. Такую женщину, как Магдален, не переделаешь за одни сутки. Кто-то тут поработал на совесть.

Мэдж с любопытством на меня посматривала.

— Что с тобой? — спросила она. — Ты болен?

Я вслух повторил свою мысль:

— Мэдж, я плохо о тебе заботился.

— Ты совсем обо мне не заботился, — сказала Магдален. — Теперь этим займется другой.

Смех ее звучал язвительно, но глаза были смущенные, и я уже готов был даже сейчас, на такой поздней стадии, сделать ей опрометчивое предложение. В странном све-